

Однако, несмотря на злость, Ли Чжао не забыла, какой переполох они с дядюшкой Чжоу устроили из-за мест. Она наклонилась, пытаясь заглянуть за его спину и проверить, всё ли в порядке с Девой Цзюнь, но его массивная фигура полностью закрывала обзор.

Раздражение вскипело в ней с новой силой. Ли Чжао резко встала и наконец увидела Деву Цзюнь. Убедившись, что та не пострадала, она с облегчением снова села и демонстративно отвернулась от Чжоу Чжоу.

Тот, сознавая свою вину, но не желая исправляться, поспешил налить своей маленькой госпоже чаю, всячески заискивая. Но Ли Чжао не поддавалась. Она была искренне рассержена. Однако, поскольку старший уже налил ей чай, отказываться было невежливо. Она приняла чашку, поставила её на стол и, опустив голову, продолжила игнорировать Чжоу Чжоу.

Вэй Цзинлинь, восседающая на главном месте, наблюдала за этой сценой, скосив голову. Уголок её рта дёрнулся от немого изумления. Она мысленно решила, что в следующий раз расставит стулья в ряд, оставив между ними большой промежуток, чтобы избавить мебель в своей резиденции от подобных испытаний.

Эта перепадка длилась недолго. Вэй Цзинлинь поставила чашку и сразу перешла к сути дела.

Разговор, естественно, касался целей Лоюэ. Вань Цзюньи изложила ситуацию, однако опустила обещания, данные им Лоюэ. Она лишь сказала, что Лоюэ хочет с их помощью как можно скорее раскрыть дело об убийстве посланников, чтобы способствовать успеху мирных переговоров.

Однако Чжоу Чжоу и Вэй Цзинлинь отнеслись к этому с большим недоверием.

В прошлом году Лоюэ официально заключила союз с Восточной Цзюэма и целый год вела захватническую войну против Чанцюэ. За это время все три страны понесли значительные потери, и многие талантливые генералы Лоюэ пали на поле боя.

В итоге, хотя великое Цянь и одержало пиррову победу, народ Чанцюэ, страдавший от войны, оказался в крайней нужде.

Нынешний двор не собирался ни посылать людей, ни выделять средства для успокоения населения Чанцюэ. Люди Чанцюэ, давно разочаровавшиеся в своей стране, уже не могли питать к ней любви.

Поэтому многие беженцы, у которых ещё были силы, воспользовались перемирием и ушли в мирный Бэйянь. Те же, кто не мог уйти, остались в Чанцюэ, заперли городские ворота и, дрожа от страха, прятались в городе, не пуская внутрь больше никакие войска.

Такие генералы, как Чжоу Чжоу, движимые человеколюбием, часто посылали им припасы. Но после прошлогодней войны народ Чанцюэ стал относиться к ним с крайней враждебностью, и вся помощь возвращалась обратно.

Честно говоря, Чжоу Чжоу не верил, что ненависть между тремя странами можно разрешить с помощью неискренних мирных переговоров. Лоюэ и Восточная Цзюэма определённо что-то замыслили.

А Гуцзи, всей душой стремящиеся проникнуть в Тяньюань — будь то через торговые пути или военную экспансию, — были волками в овечьей шкуре и уж точно не могли искренне принять так называемый мир.

Что касается Бэйянь, то это была самая загадочная страна. Чжоу Чжоу до сих пор не мог понять их намерений, особенно молодого правителя Бэйянь, взошедшего на трон в юности. Хотя он его и не видел, он чувствовал, что тот, вероятно, невероятно хитер и скрытен.

Вэй Цзинлинь, хотя и не размышляла столь же глубоко, тоже понимала, что в этих событиях, скорее всего, в той или иной степени замешаны все пять царств. Она просто не знала, каковы их цели и насколько они осведомлены о планах Цянь.

А Ли Чжао и Вань Цзюньи — одна с детства жила в бамбуковой роще, упражняясь в боевых искусствах и выпивке, а другая с детства уединилась на горе Ванчэнь для духовного совершенствования, — естественно, мало что смыслили в политической обстановке и не могли вставить в разговор свои слова.

Таким образом, после примерно часа обсуждения Вэй Цзинлинь предложила всем прогуляться по саду, чтобы развеяться.

Разумеется, «прогулка по саду» была лишь вежливым способом сказать, чтобы они занялись своими делами и не тратили на неё больше времени.

Кроме прямодушной Ли Чжао, и Вань Цзюньи, и Чжоу Чжоу понимали, что это просто любезность.

Поэтому Вань Цзюньи попросила разрешения воспользоваться кабинетом Вэй Цзинлинь, чтобы почитать книги. Чжоу Чжоу же силой увёл Ли Чжао, заявив, что хочет показать ей резиденцию генерала.

Ли Чжао, естественно, не желала покидать Деву Цзюнь и отчаянно сопротивлялась. Но Чжоу Чжоу заявил: если Ли Чжао пойдёт с ним, он больше не будет устраивать неприятностей и будет мирно сосуществовать с людьми Снежного клана.

Услышав это, Ли Чжао нахмурилась. Увидев его искренность и поняв, что Деве Цзюнь в данный момент ничто не угрожает, она согласилась, но с условием: он должен отпустить её до наступления темноты.

Чжоу Чжоу с улыбкой кивнул и не стал возражать.

Что касается Чжоу Сюаня и Вэй Юньлань, которых все уже забыли, они по-прежнему миловались в каком-то укромном уголке...

Солнце совершило свой путь с востока на запад, будто за время, пока уличные торговцы успели лишь пару раз прокричать свой товар.

Ближе к сумеркам Вэй Цзинлинь постучала в дверь кабинета. Выражение её лица было немного странным.

Дверь быстро открылась. Вань Цзюньи, принявшая утром ванну, теперь стояла с развевающимися белоснежными волосами. На столе, где прежде лежало лишь несколько книг, теперь высилась целая гора фолиантов.

Войдя в комнату, Вэй Цзинлинь закрыла за собой дверь и начала с незначительного вопроса для разминки.

— Ты всё это прочитала?

Она указала на книги на столе.

Вань Цзюньи кивнула. Зная, что Вэй Цзинлинь хочет сказать не это, она не стала продолжать тему.

Хозяйка кабинета явно нервничала. Хотя она была в своей собственной резиденции, она стояла у двери, не решаясь сделать шаг вперёд, словно хотела что-то сказать, но её что-то сдерживало.

— Дева Вэй, говорите прямо, что у вас на сердце.

Хозяйка не садилась, и Вань Цзюньи тоже оставалась стоять. Видя её состояние, в сердце Вань Цзюньи невольно зародились дурные предчувствия.

— Эм... Дева Цзюнь, я сейчас скажу кое-что... Постарайся не волноваться слишком сильно... — Вэй Цзинлинь помедлила пару мгновений, затем, стиснув зубы, выпалила:

— Сегодня утром я послала людей на гору Пера Феникса. Они нашли множество тел последователей еретического пути... и ещё вот это...

Произнося эти слова, Вэй Цзинлинь почти не решалась смотреть на собеседницу. Она достала из рукава фарфоровый флакон, на котором были видны пятна крови.

Вань Цзюньи с первого взгляда узнала флакон с лекарством, который когда-то был у её старшей сестры-наставницы. Она уставилась на кровь на флаконе, её лицо не смогло скрыть глубокой печали. Руки, скрытые широкими рукавами, судорожно сжались в кулаки, слегка дрожа.

Увидев, как её лицо мгновенно побледнело, Вэй Цзинлинь растерялась и не знала, что делать. Может, позвать Ли Чжао?

Пока она размышляла об этом, Вань Цзюньи неожиданно заговорила. Её голос был удивительно спокоен.

— Отдайте его мне. Спасибо, Дева Вэй.

Услышав это, Вэй Цзинлинь передала флакон. Поняв, что той, вероятно, хочется побыть одной, она попрощалась и удалилась...

Вань Цзюньи стояла, словно окаменев, уставившись на флакон. Лишь когда комната наполнилась темнотой, она осознала, что Вэй Цзинлинь давно ушла, что она всё это время стояла лицом к двери и что всё её тело пронзил холод.

Она пошевелила давно онемевшими пальцами, вытащила пробку. В её сердце ещё теплилась слабая надежда, но, перевернув флакон, она не увидела внутри ничего...

Старшая сестра...

Закрыв глаза, она наконец не смогла сдержать слёз.

Увы, этой печали не суждено было длиться долго. Снаружи, где царила тишина, вдруг раздался громкий возглас: «Дева Цзюнь!» — от которого её рука, державшая флакон, дёрнулась. Флакон выскользнул из пальцев и разбился вдребезги.

Она должна была рассердиться, но её острый глаз заметил: под осколками фарфора, казалось, что-то лежало.

Вань Цзюньи мгновенно присела на корточки, раздвинула осколки — и перед её глазами предстала свёрнутая бумажка...

<http://bllate.org/book/16264/1463811>